Кавказская библіотека.

ПУШКИНЪ
въ жизни горцевъ.

Гаппо.

ВЛАДИКАВКАЗЪ
издательство «Казбекъ» С. І. Казарова.

Кавказская библіотека.

Пушкинъ

въ жизни горцевъ.

Гаппо.

(Въ память закладки зданія Горско-Пушкинскаго общежитія Общества распространенія образованія и Техническихъ свѣдѣній среди горцевъ Терской области.

ИЗДАНІЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА
„КАЗБЕКЪ"
во Владикавказѣ.
1902 г.

Дозволено цензурой, 17 января 1902 года.

Пушкинъ въ жизни горцевъ.

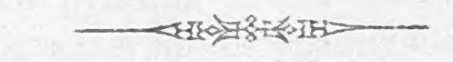
И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ—
И милость къ падшимъ призывалъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ.

(Надпись на памятникѣ Пушкина въ Москвѣ).

Искусство есть великое дѣло.

(Л. Н. Толстой—„Что такое искусство?").

Типографія издательства
„Казбекъ“
Е. І. Казарова
во Владикавказѣ.

«Погибъ поэтъ»!...—вырвалось страстное надгробное рыданіе надъ прахомъ безвременно погибшаго учителя изъ груди молодого Лермонтова, излившаго горе свое въ громовыхъ стихахъ—«На смерть Пушкина»... Онъ сразу установилъ разъ навсегда великое значеніе Пушкина для русскаго народа...

> Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
> Увялъ торжественный вѣнокъ!..
> . . . .
> Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ—
> Не раздаваться имъ опять...

Прошли десятки лѣтъ... Дружнымъ ростомъ взошли на могучей Русской нивѣ тѣ сѣмена мыслей великихъ и чувствъ добрыхъ, сѣятелемъ которыхъ былъ первый русскій поэтъ-гражданинъ... Звонкій ручей превратился въ безграничное море. Вокругъ стараго дуба, подъ защитою его выросла молодая дубрава изъ сѣмянъ его!.. Русская литература въ своемъ развитіи сдѣлала поразительные шаги—она завоевала своему генію всемірную извѣстность!..

Наступили и знаменитые «пушкинскіе дни» 1880 года, когда въ Москвѣ—сердцѣ Россіи освящали бронзовый монументъ поэта. Праздникъ въ идейномъ отношеніи превзошелъ всякія ожиданія. Собрались на поклонъ образу своего учителя всѣ великіе писатели земли русской. Эти могиканы народной мысли, выразители народной души, ея нравственнаго и общественнаго міросозерцанія своимъ, изъ глубины души исходившимъ, словомъ впервые заставили слиться тысячи сердецъ въ чувствѣ глубокаго преклоненія и обожанія передъ славнымъ образомъ творца русской литературы!..

Вспомнимъ эти забытыя слова. Вотъ, что говорилъ о Пушкинѣ Достоевскій:

— «Величіе Пушкина, какъ руководящаго генія, состояло именно въ томъ, что онъ такъ скоро, и окруженный почти совсѣмъ не понимавшими его людьми, нашелъ твердую дорогу, нашелъ великій и вожделѣнный исходъ для насъ русскихъ и указалъ на него. Этотъ исходъ былъ—народность, преклоненіе передъ правдой народа русскаго. «Пушкинъ былъ явленіе великое, чрезвычайное». Пушкинъ былъ «не только русскій человѣкъ, но и первымъ русскимъ человѣкомъ». Не понимать русскому Пушкина, значитъ не имѣть права называться русскимъ. Онъ понялъ русскій народъ и постигъ его назначеніе въ такой глубинѣ и въ такой обширности, какъ никогда и никто. Не говорю уже о томъ, что онъ, всечеловѣчностью генія своего и способностью откликаться на всѣ многоразличныя духовныя стороны европейскаго человѣчества, и почти перевоплощаться въ геніи чужихъ народовъ и національностей, засвидѣтельствовалъ о всечеловѣчности и всеобъемлимости русскаго духа и тѣмъ какъ-бы провозвѣстилъ и о будущемъ предназначеніи генія Россіи во всемъ человѣчествѣ, какъ всеединящаго, всепринимающаго и всевозрождающаго въ немъ начала. Не скажу о томъ даже, что Пушкинъ первый у насъ, въ тоскѣ своей и въ пророческомъ предвидѣніи своемъ, воскликнулъ:

Увижу-ли народъ освобожденный
И рабство павшее по манію Царя»!

Тургеневъ, этотъ великій художникъ слога, творецъ произведеній, классическая стройность и изящ-

ная законченность коихъ неподражаемы, всегда считалъ себя ученикомъ Пушкина. Онъ говорилъ въ томъ памятномъ собраніи: [1])

«Заслуги Пушкина передъ Россіей велики и достойны народной признательности. Онъ далъ окончательную обработку нашему языку... Онъ отозвался типическими образцами, безсмертными звуками на всѣ вѣянія русской жизни. Онъ первый водрузилъ могучей рукою знамя поэзіи глубоко въ русскую землю, и если пыль поднявшейся послѣ него битвы затемнила на время это свѣтлое знамя—то теперь, когда эта пыль начинаетъ опадать, снова засіялъ въ вышинѣ водруженный имъ побѣдоносный стягъ... Въ поэзіи—освободительная, ибо возвышающая, нравственная сила... Пушкину пришлось исполнить двѣ работы, въ другихъ странахъ раздѣленныя цѣлымъ столѣтіемъ и болѣе, а именно: установить языкъ и создать литературу»..

Неудивительно, что произведенія Пушкина, со своею мощною красотою, неподражаемой простотой, преисполненныя глубокой жизненной правды, со своими свѣтлыми картинами жизнерадостныхъ мотивовъ, все время оказывали огромное вліяніе на все русское общество.

«Еслибы выразить,—говоритъ Л. Н. Толстой,—въ процентныхъ отношеніяхъ вліяніе нашихъ писателей на общество, то получилось бы приблизительно слѣдующее: Пушкинъ 30%, Гоголь 15%, Тургеневъ 10%»... [2])

Вся Россія сегодня празднуетъ столѣтнюю годовщину дня рожденія Пушкина. Великій день этотъ будетъ освященъ созданіемъ цѣлаго ряда просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій имени поэта. Въ этотъ торжественный часъ не достойно молчать и намъ-горцамъ Кавказа. Не даромъ вѣдь поэтъ говорилъ:

---

[1]) Изъ рѣчи, читанной въ публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности въ 1880 году. Собр. соч. т. X.

[2]) Сергѣенко. „Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой".

«И пазоветъ меня всякъ, сущій въ ней, языкъ».

Пушкинъ является добрымъ геніемъ и въ жизни горцевъ!...

Не онъ-ли первый въ чарующихъ стихахъ воспѣлъ неувядаемую прелесть ихъ родины,—семейный и общественный бытъ, суровые патріархальные обычаи этихъ племенъ, любовь ихъ къ свободѣ, мощь духа?!.. Развѣ не подъ его неотразимымъ вліяніемъ созданы Лермонтовымъ тѣ безсмертныя пѣсни изъ жизни горцевъ, которыя являются перлами міровой поэзіи?..

Если въ дѣлѣ освобожденія 23 милліоновъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости сыграли огромную роль «Записки охотника» Тургенева и «Переселенцы» Григоровича, то развѣ дивныя поэмы Пушкина и Лермонтова не оказали ровно никакого вліянія на великое дѣло пріобщенія горцевъ къ благамъ русской гражданственности? Подъ вліяніемъ этихъ пѣсенъ о горцахъ возникъ интересъ къ этимъ племенамъ,—появились замѣчательныя этнографическіе труды, филологическія и историческія изысканія, описана въ огромномъ сборникѣ (10 томовъ) горская война, высшее правительство и мѣстные старые администраторы оказывали горцамъ отеческую заботу къ улучшенію быта и пріобщенію ихъ къ благамъ просвѣщенія. На пѣсняхъ о горцахъ воспитывались цѣлыя поколѣнія учащейся русской молодежи.

Нечего говорить ужъ о томъ, что для всѣхъ образованныхъ горцевъ эти поэмы пріобрѣтаютъ сугубое значеніе. Для нихъ эти лебединныя пѣсни замѣнили вполнѣ отсутствіе родной литературы, онѣ поддер-

живаютъ въ нихъ ту любовь къ добрымъ традиціямъ своего быта и къ своимъ темнымъ землякамъ, благодаря которой интеллигенція только и можетъ выполнить свою великую миссію въ дѣлѣ пріобщенія народныхъ массъ къ благамъ культурной жизни и въ борьбѣ съ отрицательными явленіями.

Циклъ этихъ поэмъ начинается «Кавказскимъ плѣнникомъ», появившимся въ 1821 году. Мастерски набросалъ поэтъ типъ горца старыхъ боевыхъ временъ...

Но европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесъ проворный,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшанъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка-вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный—
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.

А вотъ и горская идиллія,—священный обычай гостепріимства:

Когда же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ

Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня—
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ ласкою встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ сладкій сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимный.

Несравненно большій интересъ представляетъ въ психологическомъ отношеніи поэма «Галубъ». Здѣсь повторяется старая исторія объ отцахъ и дѣтяхъ... Галубъ—типъ семейнаго владыки—деспота; это коршунъ горъ, міровоззрѣніе котораго выражено въ слѣдующихъ словахъ и мысляхъ о Тазитѣ

«Нѣтъ, мыслитъ онъ, не замѣнитъ
Онъ никогда другого брата!..
Не научился мой Тазитъ,
Какъ шашкой добываютъ злато;
Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
Не надѣлятъ его разъѣзды,—
Онъ только знаетъ безъ трудовъ
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
А не въ набѣгахъ отбивать
Коней съ ногайскими быками,
И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать».—

Галубъ —ярый приверженецъ кровавой мести. Не могу отказать себѣ привести здѣсь цѣликомъ классическій разговоръ по этому поводу между отцомъ и сыномъ:

Отецъ, его увидя, вопрошаетъ:
Гдѣ былъ ты?
Сынъ: Около станицъ
Кубани, близъ лѣсныхъ границъ...
Отецъ: Кого ты видѣлъ?
Сынъ: Супостата.

Отецъ: Кого, кого?
Сынъ: Убійцу брата.
Отецъ: Убійцу сына моего?..
Тазитъ! гдѣ голова его?
Подай! Мнѣ черепъ этотъ нуженъ...
Дай нагляжусь!
Сынъ: Убійца былъ
Одинъ израненъ, безоруженъ...
Отецъ: Ты долга крови не забылъ?
Врага ты навзничь опрокинулъ,—
Не правда ли? Ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ,
И трижды тихо повернулъ?
Упился ты его стенаньемъ,
Его змѣинымъ издыханьемъ?...
Гдѣ жъ голова? Подай!.. Нѣтъ силъ...

Онъ разражается громовымъ проклятіемъ по адресу кроткаго сына, проклинаетъ его и гонитъ изъ дома! ..

— «Поди ты прочь—ты мнѣ не сынъ,
Ты не чеченецъ, ты старуха:.
- - - - - - -
Бѣги, бѣги скорѣй
Не оскверняй моихъ очей»!

Изъ Тазита поэтъ создалъ симпатичный образъ молодого поколѣнія горцевъ. Эта натура созерцательная, съ глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ. Его не прельщаютъ набѣги, воинская слава, добыча, онъ врагъ насилія, кровной мести, душой его движетъ состраданіе къ рабу... Онъ любитъ природу своей родины и сердцемъ его овладѣваютъ уже рано глубокія думы о счастіи трудовой семейной жизни!.. Симпатіи поэта на сторонѣ этой чудной натуры...

Среди родимаго аула
Онъ какъ чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ,
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ,
Онъ любитъ по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,

Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ,
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дальняго куда
Младые сны его уводятъ?...
Какъ знать? Незрима глубь сердецъ!

Онъ не поддался требованіямъ суроваго отца, не испугался его проклятій... Онъ смѣло пошелъ своей благородной дорогой.

И онъ, невластный превозмочь
Волненій сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводитъ
И говоритъ: «твоя мнѣ дочь
Давно мила; по ней тоскуя,
Одинъ и сиръ давно живу я;
Благослови любовь мою.
Я бѣденъ, но могучъ и молодъ,
Мнѣ трудъ легокъ. Я удалю
Отъ нашей сакли тощій голодъ.
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный,
Твоимъ сынамъ—кунакъ надежный
А ей—приверженный супругъ»...

Этотъ высокій идеалъ трудовой семейной жизни давно уже сдѣлался идеаломъ горцевъ, въ особенности молодого поколѣнія (всегдашнія и неотразимыя исключенія всегда были и будутъ во всякой жизни). Съ большею законченностью воспроизведенъ этотъ типъ въ лицѣ молодого горца—каторжника Али въ «Запискахъ изъ мертваго дома» Достоевскаго.

Пушкинъ предвѣщалъ уже и тогда въ 1821 году въ разгаръ войны наступленіе мирной гражданской жизни на Кавказѣ...

И смолкнулъ ярый крикъ войны.
Все русскому мечу подвластно,
Кавказа гордые сыны,

Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Измѣнитъ прадѣдамъ Кавказъ,
Забудетъ алчный брани гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя.

Поэмы Пушкина оказали глубокое вліяніе на развитіе любви къ Кавказу и къ жизни горцевъ въ молодомъ Лермонтовѣ. Еще 14 лѣтнимъ мальчикомъ онъ написалъ въ подражаніе Пушкину «Кавказскаго плѣнника». Когда же судьба занесла его на Кавказъ, ближе столкнула съ горцами, то онъ создалъ тѣ безсмертныя пѣсни о горцахъ, которыя довершили начатое Пушкинымъ дѣло. Могучій геній его одухотворилъ вполнѣ титаническую природу ихъ родины, создалъ много характерныхъ типовъ, начиная съ Измаилъ-бея, кончая Бэллой и Казбичемъ; въ дивныхъ стихахъ онъ описалъ полноту жизни, жизнедѣятельную энергію и отвагу горцевъ, преданность ихъ суровымъ обычаямъ родины и долгу. Вся горская жизнь во всѣхъ своихъ мрачныхъ и свѣтлыхъ проявленіяхъ и переливахъ вылились подъ его волшебнымъ перомъ въ безсмертныя пластическія формы неувядаемой красоты!..

Въ поэмахъ «Хаджи-абрекъ», «Каллы», «Бѣглецъ»,—дѣйствіе разыгрывается на почвѣ кровной мести, игравшей въ жизни всѣхъ народовъ, на извѣстной стадіи развитія, огромную роль и превращавшейся часто въ религіозный культъ. Еще великій Ахиллъ мститъ за смертъ Патрокла и, захвативши 12 троянскихъ юношей, согласно данному имъ обѣту, приноситъ ихъ въ искупительную жер-

ву своему убитому другу. Вспомним затѣмъ нескончаемыя междуусобія въ средѣ Меровингской династіи на почвѣ кровной мести, вызванной соперничеством Фредегонды и Брунгильды. Кровь потокомъ льется и въ великихъ пѣсняхъ норманов— Эддѣ, и въ сказаніяхъ о Нибелунгахъ. Княгиня Ольга жестоко мститъ древлянамъ за убійство Игоря.

Во времена Лермонтова, когда вся жизнь горцевъ текла еще по старому своеобразному руслу, кровная месть была настоящимъ религіознымъ культомъ. Волосы становятся дыбомъ, невольная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу отъ разсказовъ стариковъ о кровныхъ междуусобіяхъ недавняго прошлаго!... Такъ и вѣетъ отъ нихъ сѣдой глубиной вѣковъ... Месть не знала пощады, она воплощалась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Изступленный Хаджи абрекъ говоритъ своей жертвѣ Леилѣ, молодой женѣ кровника своего Бей-Булата:

— «Нѣтъ, за единый мщенья часъ,
Клянусь, я не взялъ бы вселенной»!
Выслушай.. Давно
Тому назадъ, имѣлъ я брата;
И онъ—такъ было суждено—
Погибъ отъ пули Бей-Булата;
Погибъ безъ славы, не въ бою,
Какъ звѣрь лѣсной—врага не зная;
Но мстить и ненависть свою
Онъ завѣщалъ мнѣ, умирая.
И я убійцу отыскалъ:
И занесенъ былъ мой кинжалъ.
Но я подумалъ: «это-ль мщенье?
Что смерть? Ужель одно мгновенье
Заплатитъ мнѣ за столько лѣтъ
Печали, грусти, мукъ?.. О, нѣтъ!
Онъ что нибудь да въ мірѣ любитъ:
Найду любви его предметъ,
И мой ударъ его погубитъ»!

Свершилось наконецъ. Пора!
Твой часъ пробилъ еще вчера.
Смотри, ужъ блещетъ лучъ заката!..
Пора! я слышу голосъ брата...
Когда сегодня въ первый разъ
Я увидалъ твой образъ нѣжный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа какъ адомъ вся зажглась.
Но это чувство улетѣло...
Аллахъ! исполню клятву смѣло!

Требованіе обычая исполнено:

Блеснула шашка. Разъ и два...
И покатилась голова.

Убита Лейла! Кровь ея отомщена... Бей-Булатъ и Хаджи-абрекъ убиваютъ другъ-друга въ глухой тѣснинѣ...

Какая удручающая картина самоистребленія!..

Религіозный характеръ кровной мести, неумолимое требованіе обычая, гласящаго, что «кровь смывается только кровью» прекрасно выяснены поэтомъ во вступленіи къ поэмѣ «Каллы»:

«Теперь насталъ урочный часъ,
И тайну я тебѣ открою.
Мои—совѣты—Божій гласъ,
Клянись имъ слѣдовать душою...
Узнай: ты чудомъ сохраненъ
Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
Чтобъ неба оправдать законъ
И отомстить за побѣжденныхъ;
И не тебѣ принадлежатъ
Твои часы, твои мгновенья,
Ты на землѣ—орудье мщенья,
Палачъ,—а жертва Акбулатъ!..
Отецъ твой, мать твоя и братъ,
Отъ рукъ злодѣя погибая,
Молили небо объ одномъ:
Чтобъ хоть одна рука родная
За нихъ развѣдалась съ врагомъ!—
Старайся быть суровъ и мраченъ,
Забудь о жалости пустой;
На грозный подвигъ ты назначенъ
Закономъ, клятвой и судьбой.—
За всѣ минувшія злодѣйства

Изъ обреченнаго семейства
Ты никого не пощади:
Ударилъ часъ ихъ истребленья!
Возьми-жъ мои благословленья,
Кинжалъ булатный, и рази!»
Такъ говорилъ мулла жестокій,
И кабардинецъ черноокій,
Безмолвно, чистя свой кинжалъ,
Уроку мщенія внималъ.

Герой легенды «Бѣглецъ» Гарунъ бѣжалъ съ «поля брани, гдѣ кровь черкесская текла», гдѣ «за честь и вольность» погибли его отецъ и два брата: онъ не отомстилъ за ихъ кровь... Съ проклятіемъ гонятъ его отъ себя всѣ... Старикъ Селимъ ему говоритъ:

— «Ступай! достоинъ ты презрѣнья!
Ни крова, ни благословенья
Здѣсь у меня для труса нѣтъ!»...

Изъ сакли возлюбленной онъ слышитъ «пѣсню старины»:

«Своимъ измѣнившій—
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ,
А звѣри костей не зароютъ...
Въ горахъ никого нѣтъ,
Ктобъ вынесъ позоръ,
И труса прогонитъ
Красавица горъ»!

Съ надеждой на пріютъ онъ стучится въ двери родной сакли, зоветъ старуху мать:

«Мать, отвори! я странникъ бѣдный,
Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
Сквозь пули русскія безвредно пришелъ къ тебѣ»...
— Одинъ?
Одинъ».
— А гдѣ отецъ и братья?
«Пали.
Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
И ангелы ихъ души взяли»
— Ты отомстилъ?
«Не отомстилъ...

Но я стрѣлой пустился въ горы,
Оставивъ мечъ въ чужомъ краю,
Чтобы твои утѣшить взоры
И утереть слезу твою».
— Молчи, молчи, гяуръ лукавый,
Ты умереть не могъ со славой,—
Такъ удались, живи одинъ.
Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,
Не омрачу я стары годы.
Ты рабъ и трусъ... а мнѣ не сынъ!—

Отверженный всѣми, Гарунъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ.

Этотъ послѣдній типъ горянки-матери, требующей отъ единственнаго сына самопожертвованія ради отомщенія за кровь отца и братьевъ, выведенъ съ большею силой и законченностью въ недавно вышедшей изъ печати осетинской поэмѣ А. Кубалова, «Авхардты Хасана»[1]) Древняя жизнь осетинъ, духъ сѣдой старины такъ и вѣетъ съ каждой строчки этой могучей пѣсни, которая является достойнымъ завершеніемъ горскихъ поэмъ Пушкина и Лермонтова, но ужъ на родномъ языкѣ!..

Героиня сказанія, Гасана, послѣ убійства мужа удаляется въ дебри и здѣсь подъ раскаты грома, вой бури напѣваетъ еще съ колыбели сыну Хасану пѣсни о мести... Возмужалъ сынъ ея... встрѣтилъ однажды на охотѣ враговъ своихъ Мулдаровыхъ... Начинается кровавая бойня!.. Только въ мрачныхъ скандинавскихъ сагахъ мы встрѣчаемъ проявленія такой необузданной мощи духа и самопожертвованія среди враговъ, какую проявилъ герой пѣсни, послѣдній отпрыскъ славнаго истребленнаго раньше рода Авхардтовъ...—Возвращается истекающій кровью сынъ съ поля битвы!.. Мать, не зная о его подви-

[1]) Переводъ ея былъ помѣщенъ въ Терскихъ Вѣд. за 1895 г.

гахъ, сидя на порогѣ, не глядя на него, шлетъ ему проклятія:

— Да будутъ тебѣ ядомъ и отравой
Мои попеченія и все молоко моей груди!
Да излитъ тебѣ ихъ потоками своей крови... и т. д.

Когда же сынъ повѣдалъ матери о томъ, что онъ убилъ изъ рода кровниковъ девять цвѣтущихъ мужей, то радость старухи-матери дѣлается безпредѣльной. Съ высокаго холма она окидываетъ жаднымъ взоромъ поле битвы, воздымаетъ руки въ знакъ благодарности къ небесамъ и, обращаясь къ тѣни мужа, говоритъ:

— «Успокойся на вѣки свѣтлоокій мой Селиманъ,
Палъ убійца твой съ великимъ родомъ своимъ!..
Убилъ ихъ твой сынъ!.. Успокойся на вѣки...
Тебѣ открыты теперь двери въ зелено муравчатый рай»!..

Вернувшись съ поля битвы, она находитъ холодный трупъ своего Хасана!.. Рыдая, она оканчиваетъ жизнь свою самоубійствомъ надъ трупомъ своего героя сына!..

Культъ любви былъ тѣмъ неизсякаемымъ источникомъ тепла и свѣта, вокругъ котораго вѣчно вращалась міровая поэзія!.. Это были тѣ могучія крылья поэтической фантазіи, благодаря которымъ геніи снова спускались въ мрачныя, неизвѣданныя еще, области душевныхъ движеній и страстей человѣческихъ или возносились въ заоблачныя выси возвышеннѣйшихъ идеаловъ грядущаго человѣчества!..

Любовь для неба и земли—святыня
И только для людей порокъ она!..
(«Измаилъ-Бей»).

Люди сдѣлали это таинственное чувство источникомъ нескончаемыхъ мукъ въ то время, какъ природа дала его, какъ неизсякаемый источникъ силы и славы и счастья человѣчества!..

Въ поэмѣ «Аулъ-Бастунджи» изображена картина изступленныхъ мукъ страстной любви... Грозный и отважный Акбулатъ по обычаю предковъ похитилъ себѣ въ жены красавицу Зару. Въ нее страстно влюбляется его младшій братъ Селимъ. Онъ смѣло объявляетъ объ этомъ старику Акбулату и требуетъ уступить ему Зару...

— «Ты видишь: я погибъ... Спасенья нѣтъ...
Отчаянье, любовь—вездѣ. повсюду!..
О, ради прежней дружбы... прежнихъ лѣтъ,
Отдай мнѣ Зару, уступи!.. Я буду
Твоимъ рабомъ... Послушай: сжалься!.. Нѣтъ,
Нѣтъ!.. ты меня, какъ ветхую посуду,
Съ презрѣньемъ гордымъ кинешь за порогъ...
Но... видишь: вотъ—кинжалъ, а тамъ: есть Богъ!..
Любовь хитрѣй, чѣмъ ревность или злоба;
Я вырву Зару изъ твоихъ когтей;
Она—моя, и быть должна моей!..
Умолкъ. Блѣднѣй снѣговъ былъ нѣжный ликъ;
Въ очахъ дрожали слезы изступленья;
Межъ губъ слова слились въ невнятный крикъ,
Мучительный, ужасный... Сожалѣнье
Угрюмый братъ почувствовалъ на мигъ:
Пройдетъ,—сказалъ онъ,—время заблужденья!
Есть много звѣздъ—одна другой свѣтлѣй;
Красавицъ много безъ жены моей!..

Не успокоился отъ этихъ словъ Селимъ. Онъ уходитъ изъ дому. Во время отсутствія Акбулата ему удается видѣть Зару, онъ умоляетъ раздѣлить его любовь и бѣжать отъ стараго мужа, но она даетъ ему гордый отвѣтъ истой горянки:

«Не плачь!.. Ужасенъ видъ твоей печали!
Отецъ мой былъ великій воинъ: югъ,
И сѣверъ, и востокъ объ немъ слыхали.
Онъ былъ свирѣпый врагъ, но вѣрный другъ,
И низкой лжи уста его не знали...
Я дочь его, и честь его храню:
Умру, погибну,—но не измѣню!
Оставь меня! я счастлива съ другимъ»!—

Какъ напоминаетъ этотъ отвѣтъ знаменитое Пушкинской Татьяны:

«Но я другому отдана,
И буду вѣкъ ему вѣрна»!..
(«Евгеній Онѣгинъ»).

Селимъ похищаетъ Зару, убиваетъ ее и привязываетъ къ коню, который холодный трупъ ея принесъ къ порогу сакли Акбулата и самъ палъ...

Къ коню въ смущеньи Акбулатъ бѣжитъ;
Лицо надеждой снова заблистало:
— «Спасибо, другъ, не позабылъ меня!—
И гладитъ онъ издохшаго коня.
И покрывала бѣлаго конецъ
Нетерпѣливой поднялъ онъ рукою,
Склонился. Мѣсяцъ свѣтитъ: о Творецъ!
Чей блѣдный трупъ онъ видитъ предъ собою?
Глубоко въ грудь, какъ скорпіонъ, свинецъ
Впился насытясь кровью молодою;
Ремень, обвившій нѣжный станъ кругомъ,
Къ сѣдлу надежнымъ прикрѣпленъ узломъ.
Какъ ранній снѣгъ бѣла и холодна,
Безчувственно рука ея лежала,
Обрызганная кровью, и луна,
По гладкому челу, скользя, играла;
Съ безцвѣтныхъ устъ, какъ слабый призракъ сна,
Послѣдняя улыбка исчезла,
И, опустясь, рѣсницы бахромой
Бездушный взоръ таили подъ собой.
Узналъ-ли ты, несчастный Акбулатъ,
Свою жену, подругу жизни старой,
Чей сладкій голосъ, чей веселый взглядъ
Былъ одаренъ невѣдомою чарой,
Плѣнялъ лишь день тому назадъ?..

Да, понялъ отважный старикъ, что злая страсть лишила его подруги жизни и воспитанника брата... Перенести такой позоръ онъ не могъ... Оставалось убить брата... Какъ сынъ своего народа, онъ сжигаетъ себя вмѣстѣ со своею саклею!.. Поэтъ не преувеличилъ... Такіе примѣры самоубійства ради избѣжанія срама и униженія чести часто встрѣчаются въ жизни горцевъ.

Великая горская война, въ которой участвовала вся аристократическая молодежь того времени, не

могла быть забыта лирой поэта, принимавшаго личное участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ. Никакія объемистые томы кавказскаго военнаго сборника не дадутъ вамъ того представленія и понятія объ этой войнѣ, какое даетъ Лермонтовъ въ наилучшихъ своихъ поэмахъ «Измаилъ-Бей» и «Валерикъ».

Въ лицѣ Измаила поэтъ вывелъ типъ горца-князя, изъ числа тѣхъ, которые въ началѣ этого столѣтія воспитывались въ Россіи, по преимуществу въ столицѣ. Люди эти воспринимали внѣшній лоскъ великосвѣтской жизни, пристраивались къ разнымъ учрежденіямъ, среда большинство такихъ повѣсъ засасывала. Вспомните типъ осетина Мастрюкъ Булатовича и его сыновей въ «Ташкентцахъ» Щедрина-Салтыкова. Встрѣчались среди нихъ и натуры недюжинныя, могучія, которымъ скоро пріѣдались роскошь салоновъ, праздная жизнь, флиртъ, удобства культурной жизни. Такіе люди стремились обратно въ родной край на великую арену борьбы за независимость!.. Вотъ какъ рисуетъ представителя ихъ самъ поэтъ:

Кто жъ этотъ путникъ? русскій? нѣтъ.
На немъ чекмень, простой бешметъ,
Чело подъ шапкою косматой;
Ножны кинжала, пистолетъ
Блестятъ насѣчкой небогатой;
И перетянутъ онъ ремнемъ,
И шашка чуть звенитъ на немъ;
Ружье, мотаясь за плечами,
Бѣлѣетъ въ шерстяномъ чехлѣ;
И какъ же горца на сѣдлѣ
Не различить мнѣ съ казаками?
Я не ошибся—онъ черкесъ.
Но смуглый цвѣтъ почти исчезъ
Съ его ланитъ; снѣга и вьюга,
И холодъ сѣверныхъ небесъ,
Конечно, смыли краску юга,

Но видно все, что онъ черкесъ.
Густыя брови, взглядъ орлиный,
Рѣсницы длинны и черны,
Движенья быстры и вольны.
Отвергнулъ онъ обрядъ чужбины,
Не сбрилъ бородки и усовъ,
И блещетъ бѣлый рядъ зубовъ,
Какъ брызги пѣны у бреговъ.
Онъ, сколько могъ, привычекъ, правилъ
Своей отчизны не оставилъ...
Но горе, горе, если онъ,
Храня людей суровыхъ мнѣнья,
Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
Въ Европѣ душной зараженъ!
Старикъ для чувствъ и наслажденья,
Безъ сѣдины между волосъ,
Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
Такъ непокойно, такъ игриво,
Онъ сердце мертвое принесъ.

Но вотъ его, подобно тучѣ,
Встрѣчаетъ крайняя гора:
Пестрѣй восточнаго ковра
Холмы кругомъ, все выше, круче.
Покрытый пѣной до ушей,
Здѣсь началъ конь дышать вольнѣй:
И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ черкесомъ пронеслись,
Въ груди проснулися желанья,
Во взорахъ слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И думъ неотразимыхъ бремя
Отъ сердца мнилось отлегло
Онъ поднялъ свѣтлое чело,
Смотрѣлъ и внутренно гордился,
Что онъ черкесъ, что здѣсь родился.
Межъ скалъ незыблемыхъ одинъ
Забылъ онъ жизни скоротечность:
Онъ въ мысляхъ міра властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность.
Забылъ онъ все, что испыталъ.
Друзей, враговъ, тоску изгнанья
И, какъ невѣсту въ часъ свиданья,
Душой природу обнималъ.

И такъ пришельцу говорилъ
Нетерпѣливый Измаилъ:
— Ты молодъ, вижу я. За слабой

Привыкнувъ гнаться, ты забылъ,
Что славы нѣтъ въ войнѣ кровавой
Съ необразованной толпой.
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бѣдны мы, и волю,
И степь свою не отдадимъ
За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворимъ,
Что презираете вы хладно!
Не бойся, говори смѣлѣй:
За чѣмъ ты насъ возненавидѣлъ.
Какою грубостью своей
Простой народъ тебя обидѣлъ?

Ты знаешь, вѣрно, что служилъ
Въ россійскомъ войскѣ Измаилъ,
Но, образованный межъ нами,
Родными бредилъ онъ полями,
И все черкесъ въ немъ видѣнъ былъ.
Въ пирахъ и битвахъ отличался
Онъ передъ всѣми...—

— Такія самобытныя натуры встрѣчались въ то переходное время среди горцевъ. Исходъ своимъ великимъ силамъ духа и страстямъ они могли найти только въ войнѣ... Другой арены для дѣятельности у нихъ по тогдашнимъ условіямъ жизни не было...

Описаніе битвы сдѣлано безподобно... Жизнь бьетъ изъ каждой строчки порывомъ могучаго движенія. Лермонтовъ превзошелъ въ этотъ случаѣ знаменитое описаніе Полтавскаго боя Пушкина. Лучшее описаніе есть то, по мнѣнію арабовъ,— которое превращаетъ слухъ нашъ въ зрѣніе. Эти слова вполнѣ примѣнимы къ нижеслѣдующимъ строкамъ...

Толпа садится на коней.
При свѣтѣ гаснущихъ огней
Мелькаютъ сумрачныя лица.
Такъ опоздавшая станица
Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей

Вдругъ поднимается съ полей;
Смѣхъ, крики, ропотъ, стукъ и ржанье—
Все дышетъ буйствомъ и войной;
Во всемъ приличія незнанье
Отвага дерзости слѣпой.

Вдругъ пыль и крикъ—онъ имъ знакомъ:
То крикъ родной, не безполезный!
Глядятъ—и видятъ надъ холмомъ
Стоитъ ихъ князь въ бронѣ желѣзной.
Ужъ близко роковое поле.
Кому-то пасть рѣшитъ судьба?..
Вдругъ имъ послышалась стрѣльба,
И каждый мигъ всеболѣ, болѣ;
И пушки голосъ громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнулъ князь, махнувъ рукою:
«Впередъ!» воскликнулъ онъ: «за мною!»

Сказалъ и бросилъ повода.
Нѣтъ, такъ прекрасенъ никогда
Онъ не казался! Повелитель,
Герой по взорамъ и рѣчамъ,
Летѣлъ, къ опаснымъ онъ врагамъ,
Летѣлъ, какъ ангелъ-истребитель.

Взглянулъ и ринулся, и смялъ
Враговъ, и путь за нимъ кровавый
Межъ ихъ рядами виденъ сталъ
Вездѣ, налѣво и направо
Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадаютъ.
Не видятъ блескъ ея враги
И беззащитно умираютъ.
Какъ юный левъ, разгорячась,
Въ средину ихъ врубился князь;
Кругомъ свистятъ и рѣютъ пули:
Но что жъ? Его хранитъ Пророкъ!
Шеломъ удары не согнули,
И худо мѣтится стрѣлокъ.
За нимъ, погибель разсыпая,
Вломилась шашка удалая.
И чрезъ минуту шумный бой
Разсыпался въ долинѣ той...

Все жарче бой, главы валятся
Подъ взмахомъ княжеской руки;
Спасая дни свои, тѣснятся,

Бѣгутъ въ разстройствѣ казаки.
Какъ злые духи, горцы мчатся
Съ побѣднымъ воемъ имъ во слѣдъ,
И никому пощады нѣтъ.
Но что жъ? Побѣда измѣнила!
Раздался вдругъ нежданный громъ,
Все въ дымѣ скрылося густомъ,
И передъ глазами Измаила
На землю съ бѣшенныхъ коней
Кровавой грудою костей
Свалился рядъ его друзей...
Какъ градъ посыпалась картеча.
Пальбу услыщавъ издалеча,
Направя синіе штыки,
Спѣшатъ ширванскіе полки...

Не мало ауловъ было снесено съ лица земли въ эту грозную войну...

Горятъ аулы: нѣтъ у нихъ защиты,
Врагомъ сыны отечества разбиты,
И зарево, какъ вѣчный метеоръ,
Играя въ облакахъ, пугая взоръ.
Какъ хищный звѣрь, въ смиренную обитель
Взрывается штыками побѣдитель;
Онъ убиваетъ старцевъ и дѣтей,
Невинныхъ дѣвъ и юныхъ матерей,
Ласкаетъ онъ кровавою рукою;
Но жены горъ не съ женскою душою;
За поцѣлуемъ вслѣдъ звучитъ кинжалъ—
Отпрянулъ русскій, захрипѣлъ и палъ.
«Отмсти, товарищъ!» и въ одно мгновенье
(Достойное за смерть убійцы мщенье)
Простая сакля, веселя ихъ взоръ,
Горитъ—черкесской вольности костеръ.

Болѣе глубокое впечатлѣніе по жизненной правдѣ своей, по мрачному колориту, по настроенію самаго поэта производитъ поэма «Валерикъ». Это описаніе боя въ 1840 году въ Чечнѣ. Поэтъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ...

Разъ—это было подъ Гехами—
Мы проходили темный лѣсъ;
Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокій
Изъ горъ Ичкеріи далекой

Уже въ Чечню на страшный зовъ
Толпы стекались удальцовъ.
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ
И дымъ ихъ то вился столбомъ,
То разстилался облаками;
И оживилися лѣса,
Скликались дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обозъ
Въ поляну—дѣло началось.
Чу! въ арьергардъ орудье просятъ;
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ,
Вотъ тащутъ за ноги людей
И кличутъ громко лекарей...
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
Вдругъ съ гикомъ кинулись на пушки...
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди же
Все тихо... Тамъ, между кустовъ
Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе;
Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись... молчатъ!
Но вотъ, подъ бревнами завала
Ружье какъ будто заблистало,
Потомъ мелькнуло щапки двѣ—
И вновь все спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье;
Не долго длилося оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно...
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ рядами.
Что нужды? Здѣшніе полки
Народъ испытанный... Въ штыки!..
Дружнѣе—раздалось за ними.
Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди;
Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня.
Ура!—и смолкло... Вонъ кинжалы...
Въ приклады!.. и пошла рѣзня...
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь...
Ручей толпами запрудили
Хотѣлъ воды я зачерпнуть—
И зной и битвы утомили
Меня—но смутная волна

Была тепла, была красна...

. . . .

Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу,.. Кровь текла
Струею длинной по каменьямъ:
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ·
Генералъ сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ;
А тамъ вдали—грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной.
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ
Тянулись горы—и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной
И съ грустью тайной ·и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ.. Зачѣмъ?

Долго еще будетъ занимать умы всѣхъ друзей страждущаго человѣчества роковой вопросъ при мысли о войнѣ: «Зачѣмъ»?

Поэтъ не преувеличилъ въ описаніяхъ битвъ неустрашимую храбрость горцевъ... Не даромъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ...

«Имъ Богъ—свобода. ихъ законъ—война...
(Измаилъ Бей)

Вся почти поэзія народная у горцевъ сосредоточена на воспѣваніи воинской славы... Самая почетная смерть на полѣ брани. Неудивительно, что боевой духъ, любовь къ оружію, коню и военному дѣлу глубоко сроднились съ натурою горца...

Осетинскій дивизіонъ, набранный изъ охотниковъ въ послѣднюю турецкую войну 1877 года за Дунаемъ, вполнѣ подтвердилъ эту живучесть въ народѣ

боевого духа... Описывая аттаку подъ Ловчею, Тутолминъ [1]) говоритъ.

— «Въ это мгновенье осетины выполняютъ тотъ недосягаемый для обыкновенной конницы пріемъ, который, въ большинствѣ такихъ случаевъ, относится къ области отрадныхъ мечтаній. Они, это олицетвореніе вдохновенныхъ наѣздниковъ находясъ въ пылу опьяняющей погони, не теряютъ способности оставить полусотню для наблюденія за турками, идущими на Плевну, а съ остальными внезапно бросаются во флангъ и тылъ черкесамъ (турецкимъ).!.

Тотъ, кто дѣйствительно служилъ въ конницѣ (а не былъ ея гостемъ) и по опыту знаетъ сокрушающую силу ея въ безповоротномъ, прямолинейномъ направленіи, тотъ пойметъ трудность пріема, выразившагося въ осмысленной удали осетинскаго народа. Не успѣли еще черкесы развернуться, какъ осетины уже насѣли на нихъ въ шашки. Увлекаемые своими начальниками и старшинами, они опрокинули черкесовъ и съ обычнымъ своимъ гикомъ бросились въ погоню»...

— Въ одномъ изъ своихъ донесеній Скобелевъ говоритъ:

— «Поведеніе осетинскаго дивизіона въ эту компанію, по безпримѣрному самоотверженію и рыцарской храбрости, выше всякой похвалы!?... [2])

Если такое появленіе боевого духа было въ мирное время послѣ десятковъ лѣтъ гражданской жизни, то неудивительно, что горцы у себя на родинѣ, въ борьбѣ за независимость героически боролись... При чтеніи боя на р. Валерикъ невольно вспоминаешь группу наибовъ Шамиля... Какія все это мужественныя лица, сколько могучей энергіи видно въ ихъ орлиномъ взорѣ!..

Въ романѣ «Герой нашего времени» выведены три типа изъ горской жизни.

— Азаматъ, Бэлла и Казбичъ.

---

[1]) И. Тутолминъ.— Кавказская казачья бригада въ Болгаріи въ 1879 г. стр. 93.

[2]) Тамъ же

Азаматъ это горскій «недоросль»... Обезпеченная среда его избаловала съ дѣтства, никакимъ трудомъ онъ не занятъ; знакомство съ русскою жизнью придало ему нѣкоторую внѣшнюю отшлифовку, идеалъ—его разъѣзды, конь и прожиганіе жизни какъ нибудь... Ничего святого у него нѣтъ, привязанности мимолетны... Сестру свою Бэллу онъ промѣниваетъ на коня... Типъ Азамата не выродился... Онъ встрѣчается и среди современной горской молодежи... Идеалъ этихъ повѣсъ тотъ-же, правда онъ принялъ нѣсколько другія формы... Теперь онъ закладываетъ или продаетъ съ молотка родовыя земли, добытыя такимъ легкимъ путемъ, деньги швыряетъ на шумныя забавы, на жратву, на мишурныя приманки новой жизни... Русская жизнь только внѣшнимъ образомъ отшлифовала ихъ, внутри же полное запустѣніе... Никакого разумнаго отношенія къ дѣйствительности, никакой охоты къ труду, къ хозяйству, домоводству... Жалкая молодежь!.. Неудивительно, что народная масса относится отчасти съ состраданіемъ, скорѣе же съ презрѣніемъ къ этимъ современнымъ Азаматамъ...

Не таковъ типъ Казбича... Какая это цѣльная натура, стойкая въ своихъ привязанностяхъ, съ гордымъ сознаніемъ чувства личнаго достоинства, не смотря на всю свою бѣдность... Въ немъ сказались всѣ дурныя и хорошія черты характера рядового горца... Поэтъ устами Максима Максимовича рисуетъ слѣдующими штрихами эту натуру...

Я сталъ вглядываться, и узналъ моего стараго знакомца Казбича. Онъ, знаете, былъ не то, чтобъ мирной, не то чтобъ немирной. Подозрѣній на него было много, хоть онъ ни въ какой шалости не былъ замѣченъ. Бывало, онъ приводилъ къ

намъ въ крѣпость барановъ и продавалъ дешево, только никогда не торговался: что запросить, давай,—хоть зарѣжь, не уступитъ. Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья; маленькій, сухой, широкоплечій. А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ; а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ—и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно, Не даромъ ему завидовали всѣ наѣздники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная какъ смоль, ноги струнки, и глаза не хуже чѣмъ у Бэллы; а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужъ выѣзжена—какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ; голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ, Ужъ такая разбойничья лошадь!..

Послушайте классическій разсказъ этого голыша горца о своей гордости—конѣ, Карагезѣ!.. Какая привязанность!.. Ни богатство, ни обладаніе красавицею Бэллою, ничто не можетъ его подкупить, измѣнить своему другу...

Изъ всѣхъ типовъ горцевъ, выведенныхъ Лермонтовымъ въ своихъ произведеніяхъ, больше всего останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя—психолога образъ горянки Бэллы. Какъ глубоко проникъ поэтъ, при воспроизведеніи этой чудной натуры, въ сокровенные тайники душевныхъ движеній горской женщины. Чувство любви для нея—не мимолетная страсть, не способъ выставленія себя напоказъ,—она зиждется въ ея натурѣ, а не на внѣшнихъ, шаблонныхъ проявленіяхъ—атрибутахъ этого чувства, какъ ласки, поцѣлуи, заигрываніе глазками и кокетство въ нарядахъ и движеніяхъ... Нѣтъ! Для нея чувство любви—это великій долгъ и святая святыхъ ея жизни, входъ въ который она бережно охраняетъ и отъ любимаго человѣка.

Выхваченная изъ простой горской среды, съ ея

суровыми нравами, въ среду интеллигентной жизни съ ея соблазнами, празднымъ времяпрепровожденіемъ, она сохранила стойкость своей натуры и цѣльность характера. Печоринъ—этотъ великій сердцевѣдецъ женщинъ своего круга,—не разгадалъ этой своеобразной дѣвушки. Онъ, привыкшій къ внѣшнимъ проявленіямъ любви, ожидалъ ихъ и со стороны Бэллы... но не нашелъ. Онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ особому способу, чтобы получить это признаніе въ любви. Вотъ, какъ описываетъ этотъ эпизодъ Максимъ Максимовичъ:

«А вѣдь вышло, что я былъ правъ: подарки подѣйствовали только въ половину: она стала ласковѣе, довѣрчивѣе—да и только; такъ что онъ рѣшился на послѣднее средство. Разъ утромъ онъ велѣлъ осѣдлать лошадь, одѣлся по-черкесски, вооружился и вошелъ къ ней. «Бэлла»! сказалъ онъ: «ты знаешь, какъ я тебя люблю. Я рѣшился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся:—прощай, оставайся полной хозяйкой всего, что я имѣю; если хочешь, вернись къ отцу—ты свободна. Я виноватъ передъ тобой и долженъ наказать себя. Прощай, я ѣду—куда? почему я знаю! Авось, недолго буду гоняться за пулей или ударомъ шашки: тогда вспомни обо мнѣ и прости меня», Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только, стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль—такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери; онъ дрожалъ—и сказать-ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею.—Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то-есть, знаете, не то, чтобъ заплакалъ, а такъ—глупость!..»

Когда же она почувствовала, что любовь любимаго ею человѣка, давшаго ей обезпеченную жизнь, охладѣла къ ней, то она сказала съ гордостью, стерѣвъ съ лица слезы горя:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то сама уйду: я не раба—я княжеская дочь!.

А вѣдь ее ожидала дома суровая обстановка горской жизни, рабское положеніе, вѣчный мракъ, тоска и уныніе... Но жизнь безъ любви для такой чуткой натуры-медленная смерть, неисчислимый источникъ тѣхъ внутреннихъ мукъ и незримыхъ для міра слезъ, горечь коихъ страшнѣе всѣхъ матеріальныхъ лишеній... Только поэтъ, глубоко полюбившій эту жизнь, могъ создать такой яркій образъ горской дѣвушки!..

Глубоко затронулъ Лермонтовъ и всю бытовую сторону горской жизни. Уваженье къ старшимъ; священный обычай гостепріимства; простота жизни, любовь къ родинѣ, все передано сильно... Я позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторые чудные отрывки...

Заржалъ черкеса конь усталый,
Ударилъ о землю ногой;
И отвѣчалъ ему другой...
Изъ сакли кто-то выбѣгаетъ,
Идетъ: «Великій Магометъ
Къ намъ гостя, вѣрно, посылаетъ.
Кто здѣсь?»—«Я странникъ»! былъ отвѣтъ.—
И больше спрашивать не хочетъ,
Обычай прадѣдовъ храня,
Хозяинъ скромный. Вкругъ коня
Онъ самъ заботится, хлопочетъ,
Онъ самъ снимаетъ весь приборъ
И самъ ведетъ его на дворъ,
Межъ тѣмъ привѣтно въ саклѣ дымной
Проѣзжій встрѣченъ старикомъ;
Сажая гостя предъ огнемъ,
Онъ руку жметъ гостепріимно.
Блистаетъ по стѣнамъ кругомъ
Богатство горца: ружья, стрѣлы,
Кинжалы съ набожнымъ стихомъ.
Въ углу башлыкъ убійцы бѣлый,
И плеть межъ буркой и сѣдломъ.
Они заводятъ рѣчь о волѣ,
О прежнихъ дняхъ, о бранномъ полѣ;
Кипитъ, кипитъ бесѣда ихъ

И носятся въ мечтахъ живыхъ
Они къ грядущему, былому...

Измаилъ—Бей.

И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ!
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальн:й лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица;
И блескъ оправленныхъ ноженъ
Кинжаловъ длинныхъ... и какъ сонъ
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣгало предо мной
А мой отецъ? Онъ какъ живой
Въ своей одеждѣ боевой
Явился мнѣ! и помнилъ я
Кольчуги звонъ и блескъ ружья,
И гордый непреклонный взоръ;
И молодыхъ моихъ сестеръ...
Лучи ихъ сладостныхъ очей.
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелію моей.
Въ ущельи томъ бѣжалъ потокъ,
Онъ шуменъ былъ, но неглубокъ;
Къ нему, на золотой песокъ,
Играть я въ полдень уходилъ
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ передъ дождемъ
Волны касалися крыломъ.
И вспомнилъ я нашъ мирный домъ
И предъ вечернимъ очагомъ
Разсказы долгіе о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй.

(Мцыри),

Начался байранъ.
Вездѣ веселье, ликованья;
Мулла оставилъ алкоранъ,
И не слыхать его призванья;
Мечеть кругомъ освѣщена;
Всю ночъ надъ хладными скалами
Огни краснѣютъ за огнями.
Какъ надъ земными облаками

Земныя звѣзды; но луна,
Когда на землю взоръ наводитъ.
Себѣ соперницъ не находитъ
И, одинокая, она
По небесамъ въ сіяньи бродитъ.
Ужъ скачка кончена давно;
Стрѣльба затихнула, темно.
Вокругъ огня, пѣвцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики сѣдые въ рядъ
Съ нѣмымъ вниманіемъ стоятъ
На сѣромъ камнѣ, безоруженъ,
Сидитъ невѣдомый пришлецъ.
Нарядъ войны ему не нуженъ,
Онъ гордъ и бѣденъ—онъ пѣвецъ.
Дитя степей, любимецъ неба,
Безъ злата онъ, но не безъ хлѣба.
Вотъ начинаетъ: три струны
Ужъ забренчали подъ рукою,
И живо, съ дикой простотою
Запѣлъ онъ пѣсню старины.

(Измаилъ-Бей)

— Такова великая поэзія Лермонтова!.. Преисполненныя божественнаго огня его безсмертныя строки вѣчно будутъ красоваться въ лучезарномъ блескѣ неувядаемой красоты въ сердцахъ всѣхъ передовыхъ горцевъ, такъ какъ въ этихъ чарующихъ звукахъ слышится голосъ ихъ дивной родины и своеобразной жизни!.. На вѣки обезсмертилъ онъ ихъ прошлое, душевный складъ, бытъ, идеалы жизни!.. Для нихъ онъ величайшій изъ міровыхъ свѣтилъ поэзіи!.. Онъ превзошелъ въ ихъ глазахъ своего учителя Пушкина.

Если къ Пушкину они питаютъ чувство благодарности и уваженія, какъ родоначальнику пѣсенъ о горцахъ, то Лермонтовъ сдѣлался для нихъ предметомъ восторженнаго культа преклоненія и безграничной любви... Съ чувствомъ нескрываемой гордости

всякій передовой горецъ говоритъ—«это нашъ народный поэтъ»!.. Онъ писалъ на другомъ языкѣ, но теперь этотъ языкъ сдѣлался для горцевъ вторымъ роднымъ языкомъ!.. Они его понимаютъ...

— Въ памятные дни открытія Лермонтову памятника въ Пятигорскѣ съѣхалась масса гостей изъ Кабарды, Осетіи и Чечни, дабы поклониться бронзовому лику своего народнаго поэта, взоръ котораго и теперь все еще обращенъ къ любимымъ имъ горамъ!.. Не успѣлъ упасть холстъ къ подножію монумента, какъ первый голосъ благодарности прозвучалъ изъ груди перваго горца-поэта.

Онъ пѣлъ...

Торжествуй, дорогая отчизна моя,
И забудь вѣковыя невзгоды!—
Воспаритъ сокровенная дума твоя—
Вотъ предвѣстникъ желанной свободы

Не свободы былой—зла насилья и слезъ,
Разрушенья, расправы жестокой—
Нѣтъ! свободы труда, поэтическихъ грезъ
И любви безкорыстной, высокой.

Она будетъ, повѣрь! Вотъ священный залогъ,
Вотъ горящее вѣчно свѣтило,
Вѣрный спутникъ и другъ по крутизнамъ дорогъ.
Благородная мощная сила,

Къ мавзолею искусствъ, въ храмъ науки святой
Съ нимъ пойдешь ты довѣрчиво смѣло,
Съ нимъ научишься ты быть готовой на бой
За великое, правое дѣло.

Не умретъ, не погаснетъ въ тебѣ ужъ тогда
Его образъ, сіяющій, гордый,
И по дебрямъ твоимъ будутъ слышны всегда
Его лиры могучей аккорды...

Возлюбви же его, какъ изгнанникъ поэтъ
Возлюбилъ твои скалы,
И почти, какъ святыню, сердечный привѣтъ
Юной жертвы интригъ и опалы.

Совершилась великая побѣда духа,—та великая побѣда, которая призвана соединить народы въ одинъ могучій братскій союзъ, гдѣ не было бы ни еллина, ни іудея...

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Пушкина и Лермонтова появились молодые поэты и среди самихъ горцевъ... Но этой поэзіи мы посвятимъ особый очеркъ.

Истинное искусство дѣйствительно великая сила... Это мы видимъ уже въ томъ, что пѣсни о горцахъ Пушкина сослужили уже свою великую роль тѣмъ однимъ, что на канвѣ, начатой имъ, создалъ чудный узорчатый коверъ безсмертныхъ картинъ изъ ярко своеобразной жизни горцевъ—другой геній русской поэзіи. Неотразимое обаяніе картинъ старинныхъ художниковъ съ теченіемъ времени становится все болѣе и болѣе культомъ преклоненія не только вслѣдствіе своего освѣщеннаго годами ореола, но и вслѣдствіе правдивости и искренности самихъ старинныхъ художниковъ... Человѣчеству дороги созданія истинной поэзіи-этого языка боговъ, ибо подъ обаятельными, чарующими звуками ея создалось все прекрасное въ жизни людской съ глубокой уже древности... Не она ли двигаетъ человѣчество подъ знаменемъ любви, добра и братства къ достиженію «царства Бога на землѣ?»

Пѣсни о горцахъ Пушкина и Лермонтова, какъ славныя дѣти истинной поэзіи, уже оказали огромное вліяніе въ дѣлѣ пріобщенія передовыхъ горцевъ къ благамъ русской гражданственности... Священнѣйшая обязанность горской интеллигенціи—напра-

вить на путь просвѣщенія своихъ темныхъ земляковъ. А поэтому вполнѣ достойнымъ будетъ съ ея стороны освѣтить великое національное Пушкинское празднество созданіемъ просвѣтительнаго учрежденія имени этого добраго генія въ жизни горцевъ, въ городѣ Владикавказѣ, этомъ интеллигентномъ центрѣ горскихъ племенъ. Такимъ подходящимъ учрежденіемъ, могущимъ оказать одинаковую помошь всѣмъ племенамъ, можетъ сдѣлаться общежитіе для всѣхъ учащихся горцевъ въ учебныхъ заведеніяхъ нашего родного города Инициативу въ дѣлѣ осуществленія этого достойнаго памятника благодарности должно на себя принять наше симпатичное «Общество распространенія образованія среди горцевъ Терской области». Пусть каждый молодой горецъ, входя подъ гостепріимный кровъ этого просвѣтительнаго заведенія, предназначеннаго дать ему возможность увидѣть свѣтъ, незримо ощущаетъ на себѣ могучее воспитательное вліяніе создателя русской поэзіи и славнаго гражданина.

Вспоминая славный образъ творца пѣсенъ о горцахъ въ данный великій праздникъ просвѣщенія, невольно встаетъ предъ очами картина изъ безсмертныхъ «Записокъ изъ мертваго дома». Молодой горецъ Али, котораго Достоевскій училъ въ мрачной обстановкѣ каторги грамотѣ по великой книгѣ любви и встрѣчу съ которымъ онъ называетъ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ своей жизни,—при выходѣ изъ тюрьмы отвелъ великаго сердцевѣда-писателя за казарму и, зарыдавъ святыми слезами братскаго чувства благодарности, сказалъ:

«Ты для меня столько сдѣлалъ, столько сдѣлалъ, что отецъ мой, мать мнѣ-бы столько не сдѣлали: ты меня человѣкомъ сдѣлалъ, Богъ заплатитъ, а я тебя никогда не забуду»...

Всякій горецъ не тѣже-ли самыя слова благодарности таитъ въ своемъ сердцѣ къ Пушкину?..

Слава же тебѣ, царю пѣсни о горцахъ!

Гаппо.

КОНЕЦЪ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
издательство „КАЗБЕКЪ“ С. І. Казарова
во Владикавказѣ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

ХАНЪ-ГИРЕЙ

поэма изъ современной кавказской жизни

Е. Занягиной.

Въ часы досуга

разсказы изъ кавказской жизни
(Кавказская библіотека)

Ю. Кази-бека.

На черный материкъ

изъ путешествій (Кавказская библіотека)

К. Б. Ахметъ-Укова.

Турецкіе разсказы

(Кавказская библіотека)

Ю. Кази-бека.

ВЫРУЧИЛЪ

повѣсть изъ жизни Терскихъ казаковъ

Н. А. Тарскаго.
